

Народы России.

Бѣлоруссы.

Бѣлоруссію, въ тѣсномъ смыслѣ слова, составляютъ только три губерніи: Минская, Могилевская и Витебская. Верховья Западной Двины, среднее течение Днѣпра со впадающей въ него Припятью орошаютъ обширную низменность, лишь мѣстами пересѣченную невысокими холмами. По ней тянутся на большое пространство лиственные и хвойные лѣса въ перемежку съ болотами и многими сотнями озеръ. Въ одной Витебской губерніи болота занимаютъ около 500,000 десятинъ; озеръ насчитываютъ до двухъ съ половиной тысячъ! Все это остатки прежнихъ непроходимыхъ тучищъ, по которымъ сидѣли тысяча лѣтъ назадъ дикари кривичи и дреговичи. Растительныя силы не ослабѣли еще до сихъ поръ: дубы, клены, липы и березы растутъ на свободѣ и достигаютъ значительной толщины; ели и сосны тянутся въ высъ до гигантскихъ размѣровъ. Тамъ куда еще не заходила нога человѣка, много деревьевъ умираетъ не отъ топора, а естественной смертью старости. Зеленъ и вода куда ни оглянись. Подъ зеленымъ навѣсомъ кроются зайцы, козы, лоси, медвѣди; въ озерахъ и рѣчкахъ рыбы не выловишь. Благодаря этимъ условіямъ, на проѣзжающаго бѣлорусская природа и бѣлорусскій ландшафтъ производятъ пріятное впечатлѣніе. Эти сплошные лѣса (напр. часть Минской губерніи) разнохарактерной окраски, полные тѣни и сырой прохлады; мелькающія въ перелѣсахъ озера; луга покрытые сочной травой и цвѣтами; холмы присыпанные желтымъ пескомъ—все это невольно чаруетъ глазъ. Особенно много воды въ Витебской губерніи; лѣсовъ—въ Минской. Могилевская занимаетъ середину и много выигрываетъ отъ этого. Полоса въ полномъ смыслѣ слова непроходимыхъ бѣлорусскихъ лѣсовъ носитъ общее названіе Полѣсья; она составляетъ значительную часть того Полѣсья, которое тянется по смежнымъ губерніямъ, переходя въ литовскіе лѣса. Полѣсье—это низменность на низменности. Весной когда таютъ снѣга и рѣки выступаютъ изъ береговъ—едва ли не третья часть его стоитъ подъ водой. Нѣтъ возможности перечислить количество лужъ, ручьевъ, рѣчекъ, бродовъ и болотъ, которыми оно усыяно. Особенно много болотъ. На этихъ страшныхъ зыбунахъ видѣются мѣстами островки съ привлекательной густой растительностью, но попасть на нихъ нѣтъ никакой возможности. Зыбунъ—это именно то, что народъ опредѣляетъ мѣткой загадкой: «не море—не земля, корабли не плаваютъ и ходить нельзя». Наружность его обманчива. Дорогъ по описаннымъ тучищамъ собственно нѣтъ, если разумѣть подъ словомъ *дорога* нѣчто лишенное препятствій и крупныхъ неудобствъ. Отъ напора воды по Полѣсью устраиваютъ мѣстами плотины, а обыкновенные броды переѣзжаютъ, а иной разъ переплываютъ просто въ телѣгахъ, обходясь безъ перевоза. Бродовъ и бродковъ такое множество, что ихъ число вошло давно въ мѣстную поговорку (Отъ Колака до Храпуна сорокъ бродовъ да сорокъ бродиковъ; считаемъ необходимымъ замѣтить, что эти два селенія лежатъ въ десяти верстахъ одно отъ другаго). Болота Пинскаго уѣзда тянутся на многія десятки верстъ, принимаютъ иногда видъ большихъ озеръ; озера по длинѣ и ширинѣ въ свою очередь смахиваютъ на рѣки. Однимъ словомъ: царство воды и зелени. Почва—песокъ, глина, камень и немного чернозему; климатъ крайне непостоянный; воздухъ пропитанъ сырыми испареніями болотъ.

Тысяча лѣтъ назадъ въ такой суровой обстановкѣ жили славяне-дикари; теперь живутъ бѣлорусскіе крестьяне. Обстановка измѣнилась въ немногое, только историческія условія измѣнились сильно. Предки теперешнихъ бѣлоруссовъ неохотно выходили изъ своихъ тучищъ, сидѣли по *застыкамъ*, за высокимъ заборомъ, били по сосѣдству звѣрей, ловили рыбу, поднимали сохой скудную землю. При этомъ они были суевѣрны, какъ всѣ дикари. Потомки ихъ сохранили ту же привычку къ домоѣдству, неприхотливость жилищъ, обычай, языкъ, съ тѣми же суевѣріями, гаданьями, примѣтами. По примѣру своихъ предковъ, бѣлорусскій крестьянинъ живетъ врозсыпную, въ разбивку, по самымъ глухимъ мѣстамъ. Въ Витебской губерніи нарѣдкость встрѣтить деревню больше чѣмъ въ 20 дворовъ; обыкновенно два, три, много десять, а иной разъ всего одинъ дворъ. Тутъ вся сила въ унаслѣдованной привычкѣ, потому что лѣсу много. Сельскія постройки тѣснѣ великорусскихъ и разбросаны какъ попало, безъ всякаго *порядка*. Избы невзрачны и снаружи и внутри—часто вмѣсто драпи онѣ крыты подстриженной соломой; окна крошечныя, иногда въ какую-нибудь четверть аршина, да еще съ просвѣчивающей тонкой лучиной вмѣсто стекла. Въ избѣ холодная *клець*, гдѣ хранится все что подороже, а черезъ сѣни теплая *хата*; въ ней дымъ гуляетъ подъ потолкомъ, по стѣнамъ копоть; подъ ногами битая глина вмѣсто пола, въ дождливое время—грязь. Въ Бѣлоруссіи очень много курныхъ избъ. *Поломъ* въ хатѣ называється настилка изъ досокъ между передней стѣной и печью—на ней спятъ и вообще отдыхаютъ; а весной, когда птицъ надо сидѣть на яйцахъ, пускаютъ подъ *полъ* куръ, гусей, утокъ; зимой же, если нѣтъ теплаго хлѣва—телятъ и ягнятъ. Тутъ же и дѣти

возятся. Остальная обстановка та же что и въ русской избѣ: тѣ же лавки, столъ, палаты. Вечеромъ въ хатѣ горитъ лучина или воткнутая въ стоячій посвѣтъ, или подвѣшенная съ нимъ къ потолку. Тамъ гдѣ лѣсу больше—жгутъ смолистую лучину (она подороже); гдѣ мало—лучину изъ *оболони* сосны, которая горитъ хуже сальной свѣчки. Въ тѣсной и душной хатѣ бѣлорусъ родится, растетъ и умираетъ. Самъ онъ такъ же невзраченъ, какъ и его домашняя обстановка: не великъ ростомъ, нездоровъ на видъ, худъ; волосы бѣлые какъ ленъ; во взглядѣ сѣрыхъ глазъ что-то забитое. Нѣтъ того, подъ часъ удалаго, выраженія лица, которое мы встрѣчаемъ у великорусса. Нарядъ тоже не отличается красотой, но заслуживаетъ описанія какъ характерный. Онъ почти весь домашняго издѣлья. Лѣтомъ мужики носятъ преимущественно бѣлые кафтаны изъ сукна или холста, съ высокимъ стоячимъ воротникомъ; на головѣ круглую особаго покроя поярковую *магерку* (см. рисунокъ), на ногахъ почти всегда лапти съ бѣлыми онучами. Зимой грѣетъ овчина. Многіе думаютъ, что отъ преобладающаго блага цвѣта въ одеждѣ получила и свое названіе Бѣлая Русь. Прибавьте къ вышесказанному красный поясъ вокругъ талии, на немъ—мѣшечекъ съ кремнемъ и *осмаками* (деньгами), да крупную запонку изъ цвѣтнаго стекла на воротѣ—и праздничный нарядъ будетъ полнымъ. Бабы носятъ разное: *свиты*, запаски, а кто шуган и сарафаны,—головныя *наметки* представляютъ нѣчто въ родѣ длинныхъ полотенецъ, концы которыхъ спускаются по сторонамъ. Мужики щеголяютъ поясомъ и запонкой; бабы—бусами. Полѣщукъ (житель Полѣсья) и могиловецъ видятъ за столомъ кромѣ хлѣба и картофеля—мясо; въ Витебской губерніи бѣлорусъ вынужденъ питаться картофельной похлебкой и хлѣбомъ пополамъ съ мякиной. Городскіе жители зажиточнѣе этихъ закинутыхъ въ глушь людей. Первые насущныя потребности бѣлорусса удовлетворяются вышесказаннымъ. Такихъ потребностей, какъ извѣстно, три: гдѣ нибудь жить, такъ чтобы не холодно было и зимой, чѣмъ-нибудь прикрываться, чтобы можно было не замерзнуть въ холодѣ, и что-нибудь ѣсть. Одни помянутыя потребности, будучи удовлетворены, даютъ уже небольшую долю счастья и отдыха послѣ тяжелаго физическаго труда. Бѣлорусъ работаетъ въ полѣ, въ лѣсу, на рѣкѣ. Мужики и бабы раздѣляютъ земледѣльческій трудъ между собой по ровну: мужья и холостые парни пашутъ, косятъ, подають снопы, возятъ ихъ съ поля, вѣютъ и сѣютъ; жены и дѣвки жнутъ, берутъ ленъ, копаютъ огороды и пр. Сѣно собираютъ вмѣстѣ: это общій праздникъ. Когда молотятъ просо, выдавливая зерна ногами, работаютъ и дѣти. Вмѣстѣ съ бѣлоруссомъ работаетъ на пашнѣ и волъ или лошадь, случается—даже корова. Много труда кладетъ бѣлорусъ за десятиной плохой земли, которая сносна въ одной Могилевской, а въ Витебской—камень. Если ночь выдастся лунная—она не пропадетъ для него даромъ, только бы было на чемъ пахать.

Бѣлорусъ кромѣ земледѣлія занимается еще пчеловодствомъ (преимущественно въ Минской губерніи) и водить скотъ; но часто, по сосѣдству, въ лѣсу водится четвероногий врагъ. Къ собранному на полѣ хлѣбу можетъ повадиться кабанъ—и хлѣбные стожки ставятъ на столбики. Въ снѣжную, выюжную зиму не помогаетъ и это: вѣтеръ навѣетъ около нихъ кучи снѣга и звѣрь свободно добирается по нимъ до хлѣба. Тогда *полѣщукъ* беретъ ружье и идетъ бить звѣря. Заведетъ бѣлорусъ скотину, прокормъ которой стоитъ недорого, —и тутъ враги—волки. Они цѣлыми стаями рыщутъ по Полѣсью—и съ ними у бѣлорусса идетъ нескончаемая война. До меда охотникъ медвѣдь-*медоводъ*. Въ Полѣсьѣ пчельни почти никогда не бываютъ около избъ, гдѣ-нибудь въ саду, или на огородѣ, какъ у великоруссовъ; полѣщукъ ставятъ улья въ бору, по высокимъ соснамъ, въ томъ-же бору гуляетъ и медвѣдь. Саженьхъ въ 10-ти отъ земли прилаживаютъ настилку изъ досокъ и на нее втаскиваютъ съ помощью колеса и веревки нерѣдко 20 пудовой улей, два, три и больше. Снаружи улей утыканъ верескомъ и окропленъ сытой. Отъ посѣщеній *медовода* его охраняютъ особымъ досчатымъ навѣсомъ. Приходитъ осень—полѣщукъ бортникъ идетъ въ лѣсъ, закидываетъ крючкомъ за сукъ того дерева гдѣ у него пчелы, самъ садится на скамеечку, привязанную къ веревкѣ и вздергиваетъ себя на настилку гдѣ улей. Въ рукахъ у него обыкновенно коробка для меда и кусокъ дымящейся сосновой коры: двѣ вещи необходимыя при выдираніи. Случается что медвѣдь забирается на сосну раньше хозяина, успѣваетъ пробить головой ветхій навѣсъ и достаетъ самый лакомый улей. Онъ имѣетъ обыкновеніе выбирать самый тяжелый, изъ котораго медъ тагъ и сочится. Глубоко запускаетъ Мишка свои когти въ саженный обрубокъ и нерѣдко рухаетъ съ нимъ на землю съ высоты нѣсколькихъ сажень. Тогда полѣщукъ беретъ его шкуру, а для предотвращенія дальнѣйшаго воровства вколачиваетъ въ сосну цѣлый рядъ ножей—остриями вверхъ. Про людей которые бы воровали медъ—не слышать: по понятію бѣлорусса страшнѣе этого преступленія нѣтъ, и казнь за него въ старину была страш-

ная: преступника подводили къ той соснѣ съ которой онъ укралъ, прибывали къ ней гвоздемъ его пуповину и затѣмъ гоняли кругомъ, при чемъ внутренности несчастнаго наматывались на дерево... По истинѣ варварское наказаніе! Въ полѣсѣ бѣлоруссѣ охотится съ капканомъ и ружьемъ за дикими обитателями труппы: зайцы, козы, лоси — его добыча. Полѣщикъ на видъ здоровѣе и крѣпче чѣмъ какой нибудь крестьянинъ Витебской губерніи. Онъ беззаботенъ какъ истый славянинъ—и когда спрашиваютъ: «Чѣмъ проживешь годъ?», «зимой за работаю въ лѣсу, а лѣтомъ на *фласахъ*», отвѣчаетъ полѣщикъ. Въ лѣсу бѣлорусскій крестьянинъ гонитъ деготь, рубитъ дрова; у воды рыбачитъ, гонитъ барки и лѣсъ (*фласы*) по рѣкѣ, извозничаетъ и работаетъ на заводахъ. Кромѣ исчисленныхъ выше насущныхъ потребностей у бѣлорусса есть другія—потребности духа: онъ поетъ, слушаетъ и рассказываетъ сказки, пляшетъ и пьетъ горѣлку. Въ сказкѣ онъ вѣритъ въ возможность небывалаго счастья, въ пѣснѣ выражаетъ настроенія души; кромѣ безшабашной веселости извѣстной минуты и горькой жалобы на свое горе—въ ней прорывается желаніе лучшей доли. Бытовая сторона жизни и семейныя отношенія, играющія такую важную роль въ замкнутой жизни крестьянина, лучше всего отражаются въ пѣснѣ. Она поется въ теченіи цѣлаго года—не зря, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ, изстари установленныхъ обрядахъ и празднествахъ за работой. Обыденное теченіе жизни бѣлорусса все укладывается въ томъ народномъ дневникѣ, который постараемся представить въ болѣе или менѣе сжатой формѣ. Нѣкоторые праздники особенно уважаются бѣлоруссами; въ такіе дни самый послѣдній бѣднякъ рассчитываетъ принарядиться, поѣсть сытнѣе обыкновеннаго и сходить въ церковь.

Первый зимній праздникъ въ году *Рыжтвянны святки* (съ 24-го декабря по 7-е января), на нихъ мужики почти не работаютъ, развѣ 2—3 часа въ день; бабы прядутъ и стараются кончить пряжу на праздникахъ. Слѣдующіе шесть дней каждый бѣлоруссѣ празднуетъ свято: *Кутью*, Рождество, *Толстую коляду*, Васильевъ день, *Голодную коляду* и Крещенье. Сочельникъ передъ Рождествомъ празднуется вечеромъ за сладкой кутьей (*сочевомъ*). Для этого столъ накрываютъ бѣлой скатертью, подъ которой настилаютъ сѣна, и въ растворенное окно говорятъ: «морозъ! морозъ! иди кутью ѣсть!» За кутьей вспоминаютъ о живыхъ и умершихъ. Остатки ужина не убираются до утра. На Рождество стараются разговѣться до свѣта, разговѣвшись успѣвають соснуть часокъ другой, потомъ одѣваются и идутъ въ церковь. Разговѣваются прежде всего *прижаниной*, это густое ржаное тѣсто, въ которое накрошено сало, свинина, колбаса, съ лукомъ и перцемъ. Вчерашній ужинъ снимается со стола и всѣ садятся по старшинству—хозяинъ—подъ образами. Въ глубокой чашкѣ хозяйка приноситъ *прижанину* и передъ каждымъ кладетъ по порядочной стопкѣ овсяныхъ блиновъ; хозяинъ крошитъ мясо и накрошивъ кладетъ въ чашку. Во вчерашней *кутьѣ* и здѣсь—рюмка водки передъ ѣдй имѣетъ большое значеніе. Выпивая ее, хозяинъ желаетъ и на будущій годъ разговѣться всѣмъ въ добромъ здоровьи. Обычное молчаніе нарушается только послѣ водки. Оторвавъ кусокъ овсянаго блина, сидящіе свертываютъ его въ трубочку и такъ ловко макаютъ ее въ *прижанину*, что каждый разъ ловятъ то ломтикъ сала, то кусокъ мяса. За *прижаниной* подаютъ все что есть въ печи. Канунъ новаго года называется *Товстой* или *Быттой кылядой*. Въ этотъ день существуетъ обычай ѣсть свиную голову, основаніемъ котораго служитъ одно повѣрье. Кромѣ свинной головы мясное ѣдятъ весь день—Голодная коляда (канунъ Крещенья) совсѣмъ не то: ѣдятъ постное и то немного. Крещенье завершаетъ *рыжтвянны святки*. Въ эти дни дѣвки гадаютъ о женихахъ, а парни ходятъ и колядуютъ подъ окнами хатъ.

Хозяюшка	Съ клѣти рѣшетомъ,
Нашъ батюшка!	Съ печки пирогомъ,
Подари гостей	Подай колбасу—
Колядовщиковъ	Я въ зубахъ понесу.

Наступаетъ весна, а съ ней и весенній праздникъ—Пасха. По селу ходятъ волочечники съ мѣшками и собираютъ съѣстные подарки, распѣвая длинныя пѣсни, въ которыхъ нерѣдко смѣются надъ скупыми хозяевами. Волочечники ходятъ гурьбой человекъ въ 20, 30. Кто поздоровѣе тотъ съ мѣшкомъ, кто послабѣе тотъ съ дудой или съ пустыми руками.

23-го апрѣля въ день св. Юрія выгоняютъ скотъ. Праздникъ переносится въ поле. Это пастушескій праздникъ—хозяева даютъ пастуху масла, сыру, хлѣба, молока и яицъ—иногда денегъ; въ складчину дѣлается ячница на молоко, покупается водка и сласти. Вся суть въ той церемоніи, съ которой варится ячница. На полянѣ, часовъ около двухъ раскладываютъ костеръ, для котораго каждый пастухъ обязанъ принести по охапкѣ разной суши. На немъ варится ячница. Когда она поспѣла и уже остыла—*стадникъ* (главный пастухъ) ставитъ ее себѣ на голову; одинъ пастушокъ поднимаетъ кверху горящую головню, а другой—горсть соли. Около стада обходятъ въ извѣстномъ порядкѣ три раза.—Впереди идетъ подпасокъ и щелкаетъ кнутомъ; за нимъ остальные пастухи, изъ которыхъ каждый что нибудь несетъ: или цвѣты, или пучокъ травъ. Для предохраненія стада отъ *гада бичучаго* и *звѣря лихаго*—въ поле бросаетъ

ся горящая головня и горсть соли, при чемъ *стадникъ* сулитъ первую *съ зубы*, а послѣднюю *съ очи* невидимому зложетателю. Все это оканчивается ѣдой и попойкой.

Случай выпить и хорошо поѣсть представляется бѣлоруссу на *толокахъ* (то что у насъ помочь). Хозяинъ приглашаетъ сельчанъ съ нѣсколькихъ дворовъ, даже съ цѣлой деревни поработать за угощеніе. При такихъ работахъ поются толочанскія пѣсни, содержаніе которыхъ часто вертится на гульбѣ и весельи, причемъ гости напоминаютъ хозяину чтобы онъ не скупился на пиво и водку. Бываютъ и другаго содержанія: дѣвушка жалуется на отца съ матерью, что они отдали ее за старика, жалуется на семью; или жена проситъ мужа не бить ее, пьетъ съ горя что свекоръ журитъ понапрасну и пр.

Какъ только лѣсъ зазеленѣетъ—начинаютъ пѣть купальныя пѣсни. Настаетъ вечеръ 23-го іюня—Ивана Купала. Въ Витебской губ. справляютъ его слѣдующимъ образомъ: *молойцы* (парни) берутъ обмазанныя смолой или дегтемъ колеса, сажаютъ ихъ на шести, въ ступицѣ зажигаютъ и несутъ въ поле. За ними толпой идутъ дѣвки съ горшками, коробками, узлами; бабы несутъ кулагу, мужики — водку. Дорогой поютъ обрядныя пѣсни. Въ полѣ еще съ утра отгорожено мѣсто, дойдя до котораго обходятъ съ пѣснями вокругъ ржаного поля и садятся какъ только дойдутъ до чужой межи. Случается что на встрѣчу *молойцамъ* съ горящими колесами на шестахъ—попадаютъ другія процессіи изъ сосѣднихъ деревень. На мѣстѣ, нарочно для этого случая отгороженномъ, втыкаютъ шести и поджигаютъ заранѣе разложенныя костры. Начинается плясъ, скаканье черезъ огонь. Скачатъ попарно, взявшись за руки *дзяцюкъ съ дьмукой* (парень съ дѣвкой). Иные садятся на лошадь и перемахиваютъ черезъ пылающій костеръ, чтобы предохранить скотину отъ порчи, которою сильно боится суевѣрный бѣлоруссѣ. Дѣвки — которыя гадаютъ по вѣнкамъ на водѣ, которыя расходятся по полю искать цѣлительныхъ травъ. Ими послѣ окуриваютъ дѣтей отъ болѣзни, призора и всякаго рода напастей, пользуютъ скотъ. Въ ту же ночь ищутъ цвѣтъ папоротника—вѣрное средство разбогатѣть. На жнивѣ, за тяжелой работой поются *жатварки*, пѣсни очень богатая по содержанію. Въ нихъ съ поразительной ясностью рисуется горькая доля крестьянская, особенно женская доля, поминаются и крестьянскія радости. *Жатварки* полны простаго неподдѣльнаго лиризма. Въ нихъ поминаются и безжалостную хозяйку и милаго, который только напрасно смущаетъ дѣвушку; молодая жалуется на свекровь со свекромъ, говоритъ: «не надо имъ и виду показывать что спина болитъ послѣ работы, а то отколотятъ»; невѣстка жалуется на то, что деверь съ свекровью бьютъ ее ребенка, думаетъ вернуться къ отцу, хоть далеко до него и трудны переходы да привѣтъ отца дорогъ. Темныя стороны замужней жизни бѣлорусской крестьянки выступаютъ въ пѣснѣ во всей своей безыскусственности: молодая жница предпочитаетъ ночевать въ полѣ чѣмъ у ненавистнаго мужа—«хорошо-бы выйдти за дворянина» думается ей.

Къ головѣ приливаетъ кровь, и руки устали и спина. Жница жалуется въ пѣснѣ, что она новольница: позже всѣхъ уходитъ съ поля домой. Припоминается ей изъ недавняго прошлаго, какъ панъ развѣзжалъ по полю и подгонялъ работать проворнѣе.

Да ужъ вечеръ вечерее,	На постацахъ поѣздае,
Нашъ панъ веселѣе,	Свое жнейке прыгонде.

При сборѣ яровыхъ хлѣбовъ поются особыя любимыя пѣсни (ярныя). Дѣвичья жизнь тоже часто не веселая жизнь: до замужества сплетни и толки, а замужемъ извѣстная горькая доля. Содержаніе одной пѣсни рассказываетъ о дочери, которая утѣшаетъ мать, а та плачетъ о томъ какъ худо будетъ ей у свекрови. Милому человеку тоже трудно довѣриться. Кто его знаетъ, можетъ быть онъ только смущаетъ, обмачываетъ—и вотъ одна изъ ярныя бѣлорусскихъ пѣсенъ передаетъ о переговорахъ милаго черезъ рѣчку. Дѣвушка стоитъ на другомъ берегу и колеблется: идти или неидти къ нему. Только тогда соглашается она отдаться, когда милый самъ бросается за ней.

Я жъ къ табѣ милая	Я жъ къ табѣ милы мой
Соколомъ ляту,	Пирапелочкой!

Радостямъ любви отведено въ ярныя пѣсняхъ много мѣста. Сожалѣніямъ и надеждамъ тоже. Выражается желаніе поскорѣй свидѣться, при свиданьи дѣвушка завѣряетъ парня, что она хоть и нравилась паньчамъ, но любила его одного, своего милаго:

Я зъ тыми паньчами гордзѣла.
За цябе моего Ваничку хоцѣла —

Въ другихъ пѣсняхъ парень жалуется, что женился рано, что взялъ въ жены бѣдную-безприданницу.

Осенью по хатамъ устраиваются *бесѣды*, поются бесѣдныя пѣсни, большею частью грустнаго, нерѣдко трагическаго содержанія. Горестъ разлуки; дума о томъ кого любить послѣ измѣны милаго и рѣшеніе: *никого*; размолвка съ милымъ; грусть о томъ, что милый женится; ревность и ссора; отравленіе любимаго человека и опять о трудной замужней жизни—вотъ содержаніе этихъ пѣсенъ. И на самомъ дѣлѣ семейная жизнь бѣлорусскихъ крестьянъ мало представляетъ отраднаго: мужъ почти всегда пьяница; жена—нерѣдко—тоже; жалобы другъ на

друга, побой... Пьянство вообще сильно можно видѣть въ одной изъ разгульных пѣсень, которыя поютъ дома и въ корчмѣ за стаканомъ горѣлки. Пьютъ все

Ня одна я — уся родзина моя,
Буду ниць ажъ до самаго дня!

поется въ пѣснѣ. Бѣлоруссы любятъ однообразную музыку своей дуды и любятъ плясать подъ нее, когда развеселится. Пляшетъ *мятлицу, подушечку, бычка, лявониху и тоукачки*. Последнй танецъ очень оригиналенъ: пляшущй выдѣлываетъ ногами раз-

растворъ изъ муки, а самый каравай пекутъ когда молодые уѣзжаютъ въ церковь. Изъ-за корзины съ рожью завязывается борьба между парнями и дѣвками, послѣ того какъ мука сыпана въ квашню. Есть у бѣлоруссовъ повѣрье, что если парни успѣютъ закинуть корзину на печь — дѣвки въ этотъ годъ замужъ не выйдутъ. Чѣмъ больше коровай — тѣмъ лучше. Случается, что онъ не дѣзетъ изъ печи, тогда вынимаютъ нѣсколько кирпичей. Послѣ сватъбы коровай рѣжутъ — и молодые раздаютъ куски знакомымъ, а сами взаменъ получаютъ деньги. На сборный вечеръ долго поютъ и пляшутъ. Въ одной изъ свадебныхъ

Бѣлорусскія женщины. Съ фотографіи рис. и грав. Сосинскій.

ные па въ углахъ сложенныхъ крестъ на крестъ лучинъ или палокъ, не задѣвая за нихъ ногами. Дуда — національный бѣлорусскій инструментъ.

Ой безъ дуды, безъ дуды | А якъ дудку почуюць
Ходяць ножки ня туды, | Самы ноги танцюють!

Осенью же и сватъбы у бѣлоруссовъ. «Коли бацька и маць хочуць такъ пойдучъ» говоритъ приходящимъ сватамъ невѣста. Когда согласие получено, дѣвку *занимають* т. е. сваты поятъ всехъ водкой. Обыкновенно сватъба начинается въ воскресный день. Наканунѣ къ невѣстѣ и жениху собираются гости. Въ сборный вечеръ выбираютъ девять коровайницъ и заготавливаютъ

пѣснѣ поется, какъ дочь свила вѣнокъ изъ руты и подала матери, а мать отвѣтила ей что у ней за слезами глаза не видятъ и руки не поднимаются отъ жалости: такъ горька разлука съ дочерью. Въ воскресенье гости поютъ невѣстѣ жалобныя пѣсни. Тяжеле всего, когда братъ расплетаетъ косу. Послѣ брака свадебный поѣздъ ѣдетъ обыкновенно къ жениху. Свадебный обрядъ принимаетъ съ этой минуты болѣе веселый характеръ. Женихова мать разстилаетъ на встрѣчу молодымъ холстъ, выноситъ хлѣбъ соль: послѣ ужина сватъ выкупаетъ невѣсту деньгами и квартой горѣлки. Тогда женихъ можетъ стать рядомъ съ невѣстой, только долженъ для этого перепрыгнуть къ ней черезъ столъ, не задѣвъ ногами за посуду. На молодую на-

дѣвають *метку* (особый головной уборъ), и всѣ, держась за полотенце, начинаютъ прыгать по лавкамъ и скамьямъ—молодые впереди всѣхъ. И такъ до трехъ разъ. На другой день утромъ отецъ и женихъ угощаютъ на гумнѣ. Начинается пѣнье, музыка, плясъ. Такъ празднуютъ свадьбу въ Борисовскомъ уѣздѣ Минской губерніи.

Последній въ году народный праздникъ Бѣлоруссіи—это *Дзяды*; ихъ справляютъ въ субботу, три недѣли спустя послѣ Покрова. Въ хатѣ, послѣ молитвы садятся за столъ и поми-

призора,—и провожаетъ въ могилу, указывая сколачивать гробъ не иначе какъ изъ новыхъ недержаныхъ досокъ. Земледѣльческія работы обставлены разными повѣрьями и примѣтами. Достаточно указать хоть на слѣдующія: въ понедѣльникъ и пятницу сѣять нельзя: черви хлѣбъ будутъ точить; на ржаномъ полѣ надо закопать кости оставшіяся отъ стола на первый день Пасхи: если закопаешь—градомъ хлѣба не побьетъ. Въ хозяйствѣ и общежитіи безъ примѣтъ ни на шагъ: если во время печенья хлѣбъ растрескается—къ покойнику. Не надо ѣсть тотъ

Бѣлоруссы. Съ фотографіи рис. и грав. Гусманъ.

наютъ умершихъ. Для *Дзядовъ* отливаютъ на скатерть немного водки, для нихъ же прежде всего ставятъ на окно чашку съ ѣдой. Поминками начинается и поминками заканчивается обрядный годъ бѣлорусса. Описание всѣхъ обычаевъ, повѣрій и примѣтъ, которые свято чтутъ здѣшній крестьянинъ и отъ которыхъ каждый обычай, каждая примѣта имѣетъ свое объясненіе въ прошломъ, свое символическое значеніе,—страшно велико. Суевѣріе встрѣчаетъ бѣлорусса при появленіи на свѣтъ, когда окружающіе всячески заботятся чтобы кто не взглянулъ, берегутъ отъ

кусокъ которымъ манишь собаку: вередъ въ горлѣ сидеть; въ печи дрова трещать—значитъ колдуна разорвало; если мужчина наступитъ нечаянно на ногу женщины—то покумится съ ней. Лѣсъ, поле, вода полны для суевѣрнаго бѣлорусса разныхъ недоброжелательныхъ существъ. Крикнетъ въ лѣсу сова—ему кажется что это стонетъ *утръ* сосущій по ночамъ человѣчью кровь; поднимается ураганъ—бѣлоруссъ склоненъ вѣрить, что это *чортюва сватба*; волкъ пробѣжитъ селомъ—это не волкъ, а *вовкулакъ* (оборотень); даже медвѣдь—и тотъ оборотень. Про него

ходить въ Бѣлорусіи такое преданіе: разъ человѣкъ захотѣлъ Бога испугать и надѣлъ тулупъ шерстью вверхъ; за это Богъ сдѣлалъ его медвѣдемъ и велѣлъ весь вѣкъ ходить въ вывороченомъ тулупѣ. По лѣсамъ, говорятъ крестьяне, русалки кличуть людей и на русальную недѣлю (послѣ Сошествія Св. Духа) ни одинъ полѣщукъ не пойдетъ понапрасну въ лѣсъ. Между страшными непонятными для бѣлорусса силами природы и людьми—стоятъ *вѣдзьмаки* (колдуны) и *вѣдзьмы*. Они могутъ дѣлать всякое зло и дѣлаютъ. Корова доить мало—виновата вѣдья; а для того чтобы узнать вѣдѣвъ на селѣ—стоитъ поносить во рту весь постъ кусокъ сыру: тогда увидишь ихъ или нагими, или безобразно страшными.

Цивилизація еще плохо прививается къ бѣлоруссамъ, особенно къ полѣщукамъ, которые—истые дѣти природы. Общенія съ сосѣдами у нихъ почти нѣтъ, жилье разбросано по лѣсамъ и трясинамъ; понятія о губернскомъ, даже объ уѣздномъ городѣ не рѣдко баснословныя. Трудолюбіе—отличительное качества бѣлорусса. Зимними вечерами, въ то время какъ дѣвки и бабы прядутъ—онъ сидитъ и вьетъ веревки, а не то лапоть плететъ, ободъ дѣлаетъ, или лучину колетъ. На поясѣ у бѣлорусса часто болтается деревянная палочка, которую онъ отъ нечего дѣлать хоть вертитъ въ рукахъ и строгаешь. Привычку къ неустанному физическому труду онъ унаследовалъ отъ предковъ, которые всю жизнь трудились надъ той же скудной землей и получали тѣ же бѣдные урожаи. Бѣлоруссъ несмотря на все свое трудолюбіе—бѣденъ, но характеръ у него, какъ уже сказано, беззаботный и терпѣливый. Не одна плохая земля причиной бѣдности бѣлорусса. 19-е февраля избавило его отъ другой, исторически сложившейся причины: отъ польскихъ пановъ, которые довели крестьянина описываемыхъ мѣстъ до такого жалкаго положенія и забитости. Паны, подпанки, *рѣжонды* (управляющіе) *арендатари* и эсаулы памятны бѣлорусскому крестьянину. То было время панскаго произвола; священникъ рискнувшій вступиться за мужика подвергался панскому гоненію

и долженъ былъ уходить въ другое мѣсто. «*Воля Божя и панска!*» привыкли говорить бѣлоруссы; на грозный вопросъ *милостиваго* пана, они робко отвѣчали: «*До Бога и до пана!*», причѣмъ кланялись въ ноги. Въ большіе праздники по церквямъ молились одни старые да малые, а кто посильнѣе—тотъ работалъ на пана, на *шарваркѣ*: собиралъ сѣно и т. п. За каждой жницей стояло по надсмотрщику съ нагайкой, или казакъ, или экономъ. Кто не работалъ въ полѣ—тотъ работалъ на смоляномъ панскомъ заводѣ, или гонялъ байдаки (лодки) да возилъ тачки. Крестьянскія подати сносились въ панскую экономію, а податей было не мало: каждая баба должна была доставлять въ годъ опредѣленное количество пряжи, двѣ или три курицы, гуся, шестьдесятъ яицъ—пять-шесть копѣ грибовъ или орѣховъ; кто чѣмъ промышлялъ—несъ пану отъ промысла. Къ панамъ и экономамъ бѣлоруссы не смѣли приходиться безъ приношеній, если у нихъ была какая нибудь просьба. Отъ нуждавшихся мелкихъ пановъ народъ терпѣлъ больше чѣмъ отъ крупныхъ. Положеніе было невыносимое—народъ сносилъ терпѣливо: въ немъ успѣли надорвать и физическія и духовныя силы. Бѣлорусскій крестьянинъ жаловался на тяжелые годы крѣпостничества. Его жалоба дошла до насъ въ прекрасной скорбной пѣснѣ:

Цеперь же намъ пане браце Содѣма, Содѣма!
 Бо нема въ насъ снопа жита ни въ полѣ, ни дома;
 Было въ мене трохи жита зелена, зелена
 Да пожали вражи ляхи безъ мене, безъ мене;
 Послалъ на насъ Боугъ правдивый цяжкую работу:
 Увесь ты дзень на панщины, шарварокъ въ субботу.
 А въ недѣлю пораненько во всѣ звонъ звоняць,
 Асаулы з'юзаками на панщину гоняць—
 Старыхъ людзей, молодежи, жуонокъ, дзѣвокъ прядци
 Малыхъ дзѣцей до цюцюну (табакъ) у папушки класци.

Эту пѣсню въ Бѣлорусіи не поютъ, а плачутъ. За то монгольское иго не лежало на Бѣлорусіи.

АДЕЛИНА ПАТТИ.

1874—1875.

Нѣтъ, нѣтъ! я не поклонникъ Патти!
 Вѣнецъ искусства вижу въ ней;
 Но дивный голосъ, чуждъ симпатій,
 Не шевелитъ души моей!
 Волшебнымъ звукомъ очарованъ,
 Я весь восторгамъ предаюсь;
 Къ ея устамъ мой слухъ прикованъ,
 Звукъ каждый проронить боюсь!
 Они игривы, свѣжи, новы—
 Алмазный плещеть водометъ!..
 Любуюсь Душенькой Кановы,
 Но мраморъ холоденъ какъ ледъ!

И вотъ, немного лѣтъ промчалось

Какъ вновь я Патти услышалъ;
 Все тотъ-же голосъ!.. но казалось
 Не тотъ ужъ звукъ мой слухъ ласкалъ:
 Пылъ чувствъ въ немъ искрился безвѣстный,
 Что свято въ сердцахъ мы таимъ!..
 Такіе звуки въ поднебесной,
 Летя, роиаетъ херувимъ!
 Вопли сбылось перерожденье!
 Такъ, въ древности, Пигмалионъ
 Влюбился рукъ своихъ въ творенье
 И, поцѣлуя въ уноенье,
 Былъ хладный мраморъ оживленъ!

Ознобишинъ.

СМѢСЬ.

Странное пари. Преимущественно Германіи принадлежитъ честь изобрѣтенія микроскопическихъ машинокъ, по истинѣ чудесныхъ. Рассказываютъ о двухъ нѣмецкихъ артистахъ, поспорившихъ между собою о томъ, кто изъ нихъ сдѣлаетъ наибольше диковинную вещь. Одинъ изъ артистовъ-механиковъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, другой—часовщикъ. Въ день, назначенный для состязанія, въ присутствіи избранныхъ ими судей, часовщикъ положилъ на столъ мѣднаго паука сдѣланнаго такъ искусно, что его можно было принять за живаго. По общему отзыву паукъ былъ своего рода совершенство. Золотыхъ дѣлъ мастеръ представилъ затѣмъ миниатюрную серебряную карету съ крошечными, сидѣвшими въ ней фигурами мужчинъ и дамъ. Поймавъ муху, онъ укрѣпилъ ее на козлахъ экипажа и, при движеніи ея крыльевъ, карета покатила по столу. Судьи пришли въ восхищеніе, а изобрѣтатель любовался своимъ твореніемъ въ нѣмомъ восторгѣ, увѣренный побѣдѣ.

— «Погодите!» замѣтилъ тогда, лукаво улыбаясь, часовщикъ. Онъ тронулъ пальцемъ паука и длинныя ноги наѣкомаго задвигались силою внутреннихъ, до невѣроятности малыхъ пружинокъ—и паукъ, будто живой, побѣжалъ по столу.

Судьи рѣшили единогласно, что гораздо труднѣе устроить такого рода механизмъ, чѣмъ привести карету въ движеніе при помощи живой мухи, и пальма первенства была присуждена часовщику.

Желѣзная муха. По поводу только-что приведеннаго считаемъ не лишнимъ сообщить весьма интересныя подробности, изъ которыхъ видно, что проданный въ парижской аукціонной камерѣ паукъ составляетъ далеко не послѣднее слово въ фабрикаціи автоматическихъ механизмовъ. Такъ, въ Кенигсбергѣ, нѣкто г. Юганъ сдѣлалъ однажды желѣзную муху, которая летала по комнатамъ и возвращалась прямо на руку изобрѣтателя. Не меньшую диковинку представлялъ автоматъ орелъ, сдѣланный тѣмъ же Юганомъ. На разстояніи 500 шаговъ орелъ этотъ летѣлъ на встрѣчу Императора Фридриха и вернулся на то самое мѣсто, откуда былъ пушенъ. Далѣе, голландецъ Корнелій фонъ-Дреббекъ, физикъ и механикъ, умершій въ Лондонѣ въ 1634 году, устроилъ въ началѣ XVII столѣтія музыкальный инструментъ, крышка котораго отворялась сама собою на разсвѣтѣ и механизмъ издавалъ мелодическіе звуки когда солнце стояло на горизонтѣ.

Одна нью-йоркская газета, жалуясь на трудность достать хорошую прислугу, говоритъ слѣдующее: «Охота за носорогомъ на берегахъ Нила, за крокодиломъ въ Лузіанскомъ заливѣ, за львомъ въ Нумидіи, за гориллой въ Аѳрикѣ, за тигромъ въ Бенгаліи, за бѣлымъ медвѣдемъ въ Швеціи и за медвѣдемъ въ лѣсахъ Россіи—сущая игрушка въ сравненіи съ *озотой за тѣрной, прилежной и скромной прислугой!*» Намъ кажется, жалоба эта и къ Петербургу примѣнима не менѣе чѣмъ къ Нью-Йорку.